

Интервью с Александром Юльевичем ЧЕПУРЕНКО

«ЖИЗНЬ СПОСОБСТВОВАЛА СТИХИЙНОМУ ПРЕВРАЩЕНИЮ МЕНЯ В СОЦИОЛОГА»

Чепуренко А. Ю. — окончил экономической факультет МГУ (1977 г.); доктор экономических наук (1990 г.); Высшая школа экономики, профессор (с 2004 г.), декан факультета социологии (2005-2014), руководитель департамента социологии (с 2014 г.); Институт социологии РАН, ведущий научный сотрудник (с 2005 г.). Основные области научного интереса: социология предпринимательства, малое предпринимательство, социология среднего класса, рыночное хозяйство в Германии.

Интервью состоялось: март-апрель 2015 г.

Завершается май 2015 года, за прошедший месяц мое собрание интервью приросло на четыре текста, могло бы и больше, но долгие праздники в России повлияли на общий ход работы. Тем не менее, в фото-галерее моих собеседников http://www.socioprognoz.ru/index.php?page_id=207 уже 116 портретов. Если учесть, что завершены и ожидают своего размещения на сайте еще семь интервью и кроме того продолжается беседа с 19 социологами, подавляющая часть которых доведет наш разговор до конца, то можно ожидать, что к концу лета общее количество проведенных интервью достигнет 140. Далее, массового роста не будет, лишь отдельные беседы с особо интересными для проекта социологами.

В рамках развиваемой мною концепции поколений Александр Юльевич Чепуренко относится к четвертой когорте советских / российских социологов, это те, кто родился в 1947 — 1958 гг.; младшему из представителей этой группы в конце 2015 года исполнится 57 лет, старшему — 68. Так что в целом — это поколение 60-ти летних.

В конце 2010-х, когда я задумывался о названиях возрастных страт отечественных социологов, в моем распоряжении было лишь 12 интервью с представителями IV поколения, и было крайне сложно выделить определяющие его черты. Тогда оно было названо «первым послевоенным». Одновременно эта профессионально-возрастная когорта была условно обозначена как «дети социологов первого поколения», и не потому, что среди них могли быть и в действительности есть дети тех, кто начинал развивать социологию в СССР (Елена Здравомыслова, Алексей Руткевич и Николай Ядов), но таково соотношение возрастов представителей этих групп. И, как в любой подвижной общественной системе, в которой родители и дети входят в мир в разных социальных обстоятельствах и устраивают свою жизнь по-разному, в мире науки, в частности в социологии, должна наблюдаться такая же закономерность. Для историко-биографического исследования признание данного обстоятельства становится импульсом к анализу межпоколенных различий.

Сейчас в моей коллекции 30 завершенных интервью с представителями IV поколения; и эта совокупность может быть задана рядом статистических показателей. Но прежде отмечу, что ни цели настоящего историко-социологического исследования, ни задачи, возникающие в процесс поиска, не требуют формирования множества респондентов, репрезентирующего всю совокупность советских / российских социологов или его отдельные поколения. Более того, строго говоря, это и невозможно. У нас нет возможности описать статистически строение нашего профессионального сообщества, однако, даже, если бы это было (допустим) сделано, все равно создание репрезентативной выборки неосуществимо.

Итак, среди 30 социологов IV поколения, с которыми были проведены интервью в течение 8,5 лет (2007- 2115), 20 исследователей — доктора наук, семеро — обладают кандидатской степенью и трое — не имеют научной степени. В смысле базового образования наше множество весьма гомогенно: философское, экономическое, историческое, филологическое, физическое, психологическое, медицинское, военное. Базового социологического образования в нашем современном понимании не имеет ни один человек.

В период бесед половина моих собеседников (15) жила и работала в Москве, восемь человек — в Санкт-Петербурге и семеро — в других городах страны: трое в Тюмени и по одному человеку в Екатеринбурге, Иванове, Калининграде и Энгельсе.

Наибольшее число участников опроса (13) в качестве основного места работы называли университеты, 11 человек указывали московский или петербургский институты РАН, пятеро — работали в новых негосударственных, независимых организациях и один — идентифицировал себя как независимый аналитик и автор. Но подчеркну, в постперестроечное время сложилась новая система занятости ученых. Как правило, академические ученые активно преподают, а большинство профессоров, преподавателей и университетских аспирантов участвуют в академических проектах и прикладных разработках независимых исследовательских структур.

Многое в судьбу IV поколения и каждого из его представителей внесла перестройка, все они встретили ее достаточно взрослыми с заметным жизненным и профессиональным опытом, с определенными планами. Младшие находились

в 30-летнем возрасте, старшие — приближались к сорокалетию. У многих за плечами были завершённые кандидатские исследования, некоторые закончили докторские диссертации или задумывались о них. Одни не вписались в трансформировавшийся мир социальных отношений и, как следует из воспоминаний ряда социологов рассматриваемой когорты, спились, ушли из профессии, но для других — открылись широкие возможности для работы по новым направлениям науки, для глубокого освоения опыта западной социологии. Это стало основанием того, чтобы дать IV поколению ещё одно «имя» — спасённые перестройкой. Данная характеристика — тоже не универсальна, значительная часть моих собеседников её приняла, но одновременно некоторые из них заметили, что к ним она не применима, наконец, есть и те, кто категорически не согласился с таким определением. Например, среди них оказались те, кто в принципе не принял события, обстоятельства ранних 90-х и ельцинскую эпоху.

Исходно, в 2007 году, концепция поколения социологов возникла в стремлении найти способы, методы упорядочения массива данных. Однако в последние год-полтора в ответ на рост числа проведенных интервью и постоянные размышления о направлениях анализа собранной информации пришло новое понимание «лестницы поколений» и роли этой конструкции в моем историко-социологическом проекте. В значительной степени этому способствовало то, что в начале 2014 года я начал проводить интервью с социологами VI, а летом — с VII поколений. К настоящему времени 17 человек представляют шестое поколение и восемь — седьмое. Таким образом, открылась возможность не только проводить сравнительные межпоколенные исследования, но переходить к динамическому, или процессному, анализу; что и составляет суть исторического поиска.

Другими словами, направленный анализ поколений позволяет трактовать историю современной российской социологии как процесс становления и смены поколений социологов, т.е. решение «технической», «инструментальной» проблемы — упорядочение биографической информации — дало ключ к рассмотрению генеральной задачи проекта — описанию движения социологии как науки в пространстве макро-социальных общественных изменений. Инструментом такого историко-научного исследования может стать функциональный анализ поколений, т.е. определение и изучение функций каждого из поколений и того, каким образом они осуществлялись.

Так возникла потребность обозначить доминирующие функции поколений, принимающие во внимание исследовательские задачи, решение которых возлагается на каждую из этих профессионально-возрастных общностей историей развития российской социологии. Получился такой ряд: I поколение — «Конституирование социологии как самостоятельной науки», II поколение — «Расширение предметного поля исследований», III поколение — «Развитие эмпирических методов», IV поколение — «Сохранение достигнутого, испытание нового», V поколение — «Обогащение парадигматики и методологии», VI поколение — «Определение характера постсоветской российской социологии» и VII поколение — «Вхождение в глобальное социологическое сообщество».

Перечисленные функции названы доминирующими для соответствующих поколений, поскольку ни одно из поколений не может в принципе в полной мере ответить на соответствующие вызовы науки, и следующие профессиональные поколения непременно продолжают искать ответы на вопросы, над которыми думали их предшественники.

Например, главнейшую целью своей деятельности первопроходцы современного этапа российской социологии видели в конституировании социологии как самостоятельной науки, в ее выходе из объятий марксистской философии. Формально это удалось сделать лишь в конце 1980-х, так наука, родившаяся в нашей стране на волне политической оттепели, получила признание лишь в период перестройки. Но и сейчас остаются актуальными вопросы генезиса российской социологии, ее предметной и объектной очерченности.

История распорядилась так, что IV поколение оказалось «самым переходным». Оно перенимало опыт своих учителей, начинало работать в существовавшей парадигматике, анализировало социальную проблематику позднего этапа периода застоя, и оно же должно было первым осваивать новую реальность и создавать подходы к ее познанию. Таковым был единственный пусть к профессиональному и – часто – физическому выживанию представителей данной когорты.

Кратко рассмотрим интервью с Александром Чепуренко сквозь решетку характеристик, которым я наделил его профессиональное поколение, и попытаемся проверить, в какой мере они распространяются именно на него.

Его родители не имели отношения ни к социологии, ни к изучению социальных процессов, но по времени рождения он принадлежит к поколению детей социологов первого поколения. Он – из первой послевоенной генерации. Для него война – не далекое прошлое, а событие, коснувшееся непосредственно его бабушки и дедушки, а также – отца. Из воспоминаний Александра: «Деда и бабки по линии матери не стало задолго до моего рождения. Бабка была замучена гитлеровцами-карателями, потому что дед был в партизанах. А дед, до войны работавший провизором в еврейском местечке, в годы войны стал врачом в крупном партизанском соединении. Умер он уже после войны» и далее: «Отец всю жизнь проработал на одном и том же предприятии, был ведущим инженером в крупном авиастроительном КБ <...> Все соседи – сослуживцы отца, многие были друзьями еще со времен войны (завод был вывезен в чистое поле в Оренбуржье едва ли не последним эшелонном из Ленинграда, и через 3 месяца уже выдал первые истребители)».

В 1972 году Александр поступил на экономический факультет МГУ и увлекся изучением «плохо понятого (и поныне!) “Капитала”». Успешно окончил обучение и один из немногих был рекомендован в аспирантуру, но по идеологическим соображениям партком факультета отказал ему в этом. С 1977 по 1991 годы он вел свои исследования в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, где в ту пору работало немало очень знающих и прогрессивно мыслящих ученых. В 1981 году им была защищена кандидатская диссертация, а в 1989 году, в 37 лет – докторская. Обе работы были посвящены анализу экономического учения Маркса и носили междисциплинарный характер: использовалась методология экономических наук, философии и истории науки.

Но уже к моменту окончания работы над докторской Чепуренко понимал, что заниматься дальше чтением и расшифровкой рукописей Маркса с лупой в руках ему не удастся — жизнь не позволит. Он был вовлечен в серию методологических семинаров, на которых обсуждались актуальные проблемы истории и теории социализма, выступали теоретики и идеологи нарождавшегося демократического движения.

Было бы неверным говорить, что перестройка спасла его от занятий мало интересной тематикой, но она явно расширила горизонт его поисков. В дни путча Чепуренко вошел в группу молодых экономистов, социологов и исследователей политики, которые к началу 1992 года создали Российский независимый институт социальных и национальных проблем (РНИСиНП), который сразу приступил к теоретико-эмпирическому анализу ценностей, молодежи, среднего класса и т. д., и т. п., а также к прикладным исследованиям по заказу разных, прежде всего зарубежных, фондов и университетов, заинтересованных в информации о России.

В конце 80-х Чепуренко — подобно многим аналитикам его поколения — прошел школу публичной социологии, а в начале 90-х начал осваивать социологический подход к анализу актуальных проблем развития общества, учиться азам формирования анкет, пониманию принципов формирования выборки и прочему. Его наставниками были М. К. Горшков, А. Г. Здравомыслов, Ф. Э. Шереги и другие опытные специалисты. Однако к концу 90-х по мере затухания демократических и экономических реформ и, позже, когда началось возведение «вертикали» власти, западные фонды и международные организации стали терять интерес к России, и РНИСиНП по согласованию с Президиумом РАН был преобразован в Институт комплексных социальных исследований РАН, и вскоре он слился с ИС РАН.

Александр Чепуренко к тому времени уже был сотрудником Высшей школы экономики. С 2005 по 2014 годы он был деканом факультета социологии, а в настоящее время — руководит департаментом социологии.

Итак, при всей уникальности жизненной траектории Александр Чепуренко, специфике его вхождения в социологию все рассказанное им укладывается в общее представление о социологах IV поколения.

Чепуренко А. Ю.: «Жизнь способствовала стихийному превращению меня в социолога»

Александр, в моем проекте неожиданным для многих, отчасти – для меня, заиграли истории имен моих собеседников. Так, мои интервью с Будимиром Гвидоновичем Тукумцевым, Михаилом Илле, Дмитрием Гаврой, Чеславом Эрастовичем Сымоновичем сразу открывают очень интересные личностные миры и историко-культурные миры...

Александр Филиппов рассказал историю своего отчества – Фридрихович, его отец бы назван Фридрихом в честь Энгельса. Ваше отчество – Юльевич тоже нечастое, Вы не знаете истории имени Вашего отца? И вообще, насколько Вы знакомы с прошлым родительской семьи?

С прошлым родительской семьи знаком в основном по рассказам отца. Я – поздний ребенок, а отец очень рано (в 16 лет!) перебрался с исторической родины (Сумщина) в Ленинград, потом – война, эвакуация, послевоенный перевод его предприятия в Москву... Тем временем личные связи с родственниками истончились.

Отец родился еще до 1-й мировой войны в семье сельского парикмахера, где было еще трое детей (по тем временам, малодетные), и сравнительный достаток. Дед был не просто сельским брадобреем, но и, по-видимому, фатом и жуиром. Любил музицировать, дома были музыкальные инструменты, на которых играли он и его братья. Любил читать. Так, наверное, и появилось имя Юлий – в честь Юлия Цезаря.

Деда видел в раннем детстве лишь однажды, во время посещения летом украинской родни. Помню его плохо – мне было около 5 лет. Бабка умерла еще до моего рождения. Тетку, старшую сестру матери, не застал в живых, младшего брата отца немного помню, он несколько раз к нам приезжал в Москву из Ленинграда.

Деда и бабки по линии матери не стало задолго до моего рождения. Бабка была замучена гитлеровцами-карателями, потому что дед был в партизанах. А дед, до войны работавший провизором в еврейском местечке, в годы войны стал врачом в крупном партизанском соединении. Умер он уже после войны.

Теток и дядю по линии матери знал лучше, никто из них не был москвичом, но они часто наезжали из Казани и Галлина, куда забросила их послевоенная жизнь. Все они были представителями советской интеллигенции – инженер, экономист, жена консерваторского профессора.

Мать и отец не часто, но все-таки перебирали семейные фотографии. Обычно это происходило либо во время приезда кого-то из родственников, либо по случаю какой-то даты из жизни семьи. По фотографиям и сопутствующим рассказам примерно я в основном и представляю себе поколение моих дедов и бабок.

Очень интересно, когда я задавал вопрос, конечно, думал Юлии Цезаре, но не очень верил в это... а ведь, действительно, целая семейная история... спасибо. Теперь, пожалуйста, побольше собственно о родителях, о своем детстве

Отец всю жизнь проработал на одном и том же предприятии, был ведущим инженером в крупном авиастроительном КБ, мать — домохозяйка. Жили в коммунальной квартире, предоставленной заводом. Все соседи — сослуживцы отца, многие были друзьями еще со времен войны (завод был вывезен в чистое поле в Оренбуржье едва ли не последним эшеленом из Ленинграда, и через 3 месяца уже выдал первые истребители), поэтому обстановка в большом многоквартирном доме была как в селе: все друг другу старались помогать, вместе отмечали праздники, дети были под «коллективным присмотром». В общем, довольно типичная для середины 50-х — начала 60-х картина.

Денег, как я теперь понимаю, не хватало (моя старшая сестра училась в институте на дневном отделении и получала крохотную стипендию), но выручала изобретательность матери в плане ведения хозяйства. Стало чуть легче, когда по чьему-то совету меня отвели в Дом моделей одежды на Кузнецком мосту, и я стал манекенщиком (проработал примерно с 4-х лет и до 7-ми). Когда все мои сверстники играли во дворе, меня везли через полгорода на примерки или на показы одежды. Но мне объясняли, что я теперь — второй кормилец семьи, и это помогало переносить молча долгое стояние на табуретке в какой-то тряпице, исколотой булавками и исчерченной мелком.

Школа — одно из самых радостных впечатлений детства. Это была школа с углубленным изучением немецкого языка, с сильным и дружным (не часто встречается) педагогическим составом и со своим летним школьным лагерем в Подмосковье. Учились в основном дети из интеллигентских семей, никакого сословно-классового расслоения не чувствовалось. Хотя во второй половине 60-х начало ощущаться, что разные семьи стали жить по-разному: у кого-то появились многокомнатные отдельные квартиры, автомобили, какие-то модные вещи... Но зависти не было.

Атмосфера изменилась в самом конце 60-х — тогда мы еще не могли связать это с внутрисоциальными последствиями подавления Пражской весны и сворачивания косыгинских реформ. Один из учителей эмигрировал, после чего школу начали «проверять» по всем линиям; директор школы повесился, вместо него прислали новую директрису, с которой учителя скрыто, а некоторые старшеклассники — открыто стали враждовать. Меня это тоже не миновало... не сошлись на почве интерпретации недавно опубликованного в журнальной версии «Мастера и Маргариты». Поскольку директриса, сама преподававшая у нас литературу, трактовала его как плутовской роман, а мы (я) — как иносказательную, но острую сатиру на советский строй. Ну, как такое можно было говорить на уроке литературы вскоре после процесса по делу Синявского и Даниэля?

В школе были очень ровные и сильные предметники, со всеми у меня были нормальные отношения и по всем предметам я успевал, но интерес сформировался все же больше в гуманитарной области. Читал в основном толстые романы и исторические монографии, поэтому на уроках истории мог подробно изложить позицию основных партий во 2-й или 3-й Думах. В 9–10 классах долго перебирал: истфак? Географический? Или все же МГИМО? В итоге выбрал все-таки экономический факультет МГУ.

Прошел со второй попытки в 1972 году и стал специализироваться на экономике зарубежных стран (ФРГ).

Вам дико повезло... начало 70-х, разрядка, дружба Брежнева с Вилли Брандтом, Хельсинкский процесс... можно думать, учиться было интересно; что и кто особенно запомнилось?

Это было самое начало застоя. Который по мере нашего обучения стужался. Поначалу все было интересно, но где-то к началу 3-го курса я с тоской понял, что нам впаривают нечто, очень далеко отстоящее от изучения реальных экономических и общественных отношений. Чуть было ни ушел в никуда, но пересилил себя и перешел на следующий график обучения: как общественник, я имел право на так называемый свободный график сдачи сессии. Сдавал обычно еще в конце семестра, потом, когда у всех была сессия — немного отдыхал, а когда все уходило на каникулы и библиотека пустела — приходил в библиотеку и читал. Конечно, читать можно было только то, что было разрешено. Но даже таким образом удавалось кое-что в плане самообразования.

Большое влияние на меня оказали два человека. Это был Г. Г. Водолазов, который учил нас думать о взаимосвязи явлений, о диалектике общественных процессов. И, конечно, В. П. Шкредов, который своим спецсеминаром по «Капиталу» совершенно перевернул мое представление о Марксе и его экономической теории и методе исследования общественных проблем. Это было как глоток свежего воздуха в атмосфере середины 1970-х гг. Я начал много читать литературы по теории познания, диалектической логике, методу «Капитала» и т. п. (Ильенков, Тронев, Вазюлин, Грушин, Абдильдин и др.), и к концу 4-го курса, думаю, был в этих вопросах подготовлен лучше многих студентов философского факультета.

Примерно тогда же меня впервые обвинили в «правом уклоне» за мою курсовую работу по экономике ФРГ на 3-м курсе, и я почел за лучшее переключиться на систему и метод «Капитала»: кафедра политэкономии экономического факультета тогда буквально «кишела» методологами, велись ученые споры на уровне метатеории, я в это втянулся. При этом, прочитав гегелевскую «Жизнь Иисуса», я уже отчетливо видел разницу между огромным большинством «марксистствующих» фарисеев и истинно глубокими исследователями — Шкредовым и несколькими его последователями и учениками. Нужно сказать, что я тогда был правоверным сторонником идей недогматического социализма, и идея подвергнуть фарисеев разгромной критике с позиции того, кого они признавали своим предтечей, казалась мне грандиозной. Ведь таким образом, казалось мне, можно показать их убожество и открыть дорогу настоящему научному анализу анатомии и физиологии современного нам общества!

Я ходил на лекции Вазюлина по логике Гегеля, был старостой студенческого кружка по теории Маркса (руководил им, разумеется, Шкредов). Мы как-то незаметно сблизились с моим учителем и наставником, и на 5-м курсе я выбрал в качестве темы дипломной работы анализ плохо понятого (и поныне!) начала 2-го тома «Капитала». Тогда я не подозревал, что это — выбор поистине судьбоносный.

В своей работе мне удалось развить идеи так называемого конкретного историзма Маркса; сравнивая товар как предпосылку теоретического анализа в 1-м томе и кругооборот капитала в начале 2-го тома, я доказал, что Маркс всюду имел в виду товар как продукт развитого капиталистического способа производства. Не буду утомлять — отсюда следовал ряд резких выводов в отношении

вульгарной трактовки метода у Энгельса, Ленина и моих тогдашних «учителей»; отсюда же следовало развитие тезисов Шкредова о том, что развитая теоретическая система понятий, отражающая диалектику экономических отношений, возможна только на этапе высокого уровня развития самого отображаемого предмета. Между тем, кафедра отчаянно боролась за высокую государственную награду за разработанный ею совершенно догматический учебник политэкономии социализма.

В начале 5-го курса меня в числе очень немногих рекомендовали в очную аспирантуру кафедры. Но после защиты моего диплома разразилась буря; меня лично допрашивал «главный инквизитор», причем это настолько напоминало известную сцену допроса несчастного Га-Ноцри Понтием, что я чуть не рассмеялся. Правда, бичом никто не хлестал: все-таки, 20 век!

Партком факультета затем, естественно, решил, что таким, как я, не место в их аспирантуре. Впрочем, это было уже понятно и мне.

Поэтому я сделал вид, что ухожу работать в ИМЭМО, оплот вольнолюбия, а на самом деле отнес документы в Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Дело в том, что на преддипломной практике я был именно там и активно поработал над предметным указателем к Сочинениям Маркса и Энгельса, а заодно запоем читал удивительную литературу по теории и методу Маркса, стенограммы дискуссий, кипевших в начале 20-х гг. в Институте красной профессуры и т.п. И я подумал, что именно здесь я смогу, честно занимаясь изданием и комментированием Маркса, продолжать самообразование и даже кое-что пописывать, пользуясь прикрытием грозного учреждения. А сектору произведений Маркса и Энгельса остро необходим был экономист со знанием немецкого языка для работы над корпусом экономических текстов Маркса.

Так и получилось. С 1977 по 1991 год я проработал в ИМЛ в секторе произведений Маркса и Энгельса, успел, будучи еще стажером, за полгода перевести и подготовить к изданию самую объемистую черновую рукопись 2-го тома «Капитала», а также, уже став младшим, а потом старшим научным сотрудником — поучаствовать в подготовке ряда томов английского издания Сочинений и Полного собрания сочинений Маркса и Энгельса на языках оригинала. Ну, а кроме того, — написать не один десяток статей по истории и теории «Капитала», ряд коллективных монографий, в которых удалось опубликовать несколько работ моего учителя, которого не публиковали тогда почти нигде, защитить кандидатскую и докторскую диссертации.

Захватывает... замечу у меня в жизни было нечто аналогичное; по завершению аспирантуры матмеха ЛГУ меня нигде не брали на работу, обострение государственного антисемитизма после «семидневной войны»; но взял Андрей Григорьевич Здравомыслов, который заведовал кафедрой марксистско-ленинской философии в Ленинградской высшей партийной школе; хотя тогда я не знал, что такое социология и не был членом КПСС.

Вы работали в сугубо идеологическом институте, к моменту начала работы Вы были членом КПСС? Если нет, предлагали ли Вам вступить в партию?

В КПСС я вступил в силу юношеских иллюзорных надежд на возможность изменения КПСС изнутри, еще будучи студентом университета — именно поэтому, возможно, меня не «сожрали с потрохами» сразу, а проявили некото-

рую нерешительность: нельзя было признать, что один из немногих принятых в КПСС студентов оказался «ревизионистом». Это и дало мне время, чтобы перейти на работу в ИМЛ.

Этот институт многие представляют себе совершенно неверно. По сути, он до последних лет оставался одним из островков внутрипартийной фронды. Будучи создан Д.Б. Рязановым, который на партсъездах осмеливался полемизировать с Лениным и подтрунивал над Кобой, этот институт был во многих отношениях совершенно новой формой институционализации социально-гуманитарных исследований; поскольку его ядром был сектор произведений Маркса и Энгельса, там требовались люди с широкой гуманитарной подготовкой и со свободным знанием нескольких иностранных языков. Придя туда, я застал своего рода кружок шестидесятников, в котором обсуждения предисловий к томам сочинений Маркса и Энгельса превращались в увлекательные научные дискуссии.

Разумеется, были в Институте и другие подразделения и другие люди — партназначенцы, переобученные журналисты партийных газет и журналов и т.п., которым сектор Маркса и Энгельса сильно не нравился как своей интеллигентностью, так и своим «вольномудством». Но поскольку официальной партийной доктриной был марксизм-ленинизм, со стороны ЦК КПСС выпуску произведений основоположников уделялось большое внимание, а потому приходилось терпеть этих неприятных людей.

Пожалуйста, Александр, расскажите обстоятельнее, что удалось сделать в кандидатской работе, в докторском исследовании. Я так понимаю, что Вы работали с подлинниками...

В кандидатской диссертации я, если коротко, реконструировал работу Маркса над 2-м томом «Капитала». До меня последним этим занимался Энгельс. Попытался датировать все восемь разного формата рукописей, написанных им с середины 1860-х до начала 1880-х гг., и объяснить, почему он так долго и много занимался выстраиванием этого тома-связки между 1 и 3 томом.

В 1980-е гг. мной было много чего написано и опубликовано, в том числе — в нескольких коллективных монографиях, в которых мы, группа молодых сотрудников Института, а также Шкредов, немногочисленные «критические марксисты» из СССР и ряд коллег из берлинского аналогичного института, вместе с нами работавших над изданием МЭГА (Полное собрание сочинения Маркса и Энгельса на языках оригинала), пользуясь, прямо скажем, не очень большой осведомленностью руководства ИМЛ в теоретических и методологических дебатах вокруг теории и метода «Капитала» как в ортодоксальной советской политике, так и тем более — в кругах «новых левых» в Европе и США, продвигали, подчас эзоповым языком, со ссылками на аутентичные тексты Маркса, которые мы знали, конечно, гораздо лучше, чем наши оппоненты как в СССР, так и за его рубежами, некоторые идеи, которые шли вразрез с ортодоксией. Если говорить совсем общо, мы доказывали, что Энгельс и Ленин совершенно не понимали специфики метода Маркса, что марксизм-ленинизм является в значительной мере плодом этих двух идеологов; мы доказывали, что между «поздним» и «ранним» Марксом существует значительное, качественное различие в понимании природы и законов развития современного ему общества, причем так называемое

международное рабочее движение опиралось главным образом на упрощенное представление о законах истории молодых Маркса и Энгельса; что теория, изложенная в «Капитале», не решила так называемой проблемы трансформации (стоимости в цену производства и прибавочной стоимости — в среднюю прибыль), и это — глубокое фиаско экономической теории Маркса, но не решили ее ни критики-современники, ни младорикардианцы (Сраффа и др.)... Сегодня это кажется умствованием по поводу мелочей, но для брежневского застоя это была такая крамола, за которую можно было поплатиться многим.

Мы пытались эти идеи заложить и в различные части научного аппарата к соответствующим томам МЭГА. Кстати, это было сразу замечено нашими проницательными критиками на Западе, с некоторыми из которых мы позднее, в период перестройки, стали встречаться на разных конференциях и подружиться.

В докторской диссертации я продолжил эту линию, она была посвящена критике догматизма под видом критики неомарксистских теорий, получивших распространение на Западе в конце 1970-середине 1980-х гг. Были проанализированы различные интерпретации самого трудного в «Капитале», а именно теории товара и денег; различные концепции «историзации» диалектического метода Маркса якобы самим Марксом; а также историзирующие концепции соотношения между так наз. общей теорией капитализма и теорией современного капитализма. Фактически, я критиковал Энгельса и Ленина, показывая генетическую близость ряда проблематичных интерпретаций «Капитала» с их идеями.

Защищался я, что называется, уже под гул митингов и демонстраций, в 1990 г. В 1989 г. диссертация в несколько сокращенном и популярном изложении вышла как книга на русском языке, а в 1991 г. была переведена на японский язык одним маленьким левым издательством.

Но к моменту завершения работы над книгой и диссертацией я уже понимал, что заниматься дальше чтением и расшифровкой рукописей Маркса с лупой в руках мне не удастся — жизнь не позволит. Я был вовлечен в серию так называемых методологических семинаров, которые тогдашний директор ИМЛ Смирнов организовал как площадку для обсуждения самых острых проблем истории и теории социализма, с привлечением тех ученых и публицистов, которые высказывали довольно критические взгляды и выступали как теоретики и идеологи нарождающегося демократического движения.

Где-то в конце 1988 г. я стал одним из соорганизаторов так называемого Независимого клуба марксистских исследований (довольно странное самоназвание, но мы тогда названиям большого значения не придавали, понимая, что все это очень ненадолго). В него вошли на первых порах такие известные теперь люди, а тогда молодые ученые и публицисты, как А. Аузан, А. Бузгалин, А. Колганов, Л. Гребнев, А. Рябов, А. Клепач и некоторые другие; встречи проходили в разных местах и были посвящены обычно различным аспектам развала советского строя и плановой экономики; уже тогда спектр моих интересов стал смещаться с истории и теории марксизма на актуальные проблемы развития позднесоветского общества. Клуб просуществовал недолго, т.к. обнаружили серьезные расхождения между всеми нами в понимании специфики текущего момента и перспектив развития, а кроме того, некоторые ринулись в активную

политическую жизнь и стали больше внимания уделять именно этому. Но начало моего интереса к тому, что, как я много позднее понял, составляло предмет публичной социологии, было положено в самом конце 1980-х.

Этому способствовало и то, что в ИМЛ работали некоторые впоследствии известные социологи, с которыми я общался на семинарах и в частном порядке, да и уже тогда вполне известные социологи — я имею в виду А.Г. Здравомыслова. Мы никогда не были очень близки в жизни, но примерно с конца 1980-х гг. много встречались, обсуждали разные проблемы — и научные, и общественные; до самой его смерти.

Окончательно социологический подход к анализу актуальных проблем развития общества у меня сложился, однако, позже, уже в начале 1990-х гг., под влиянием острой неудовлетворенности от бездумного и некритического подхода к реформированию общества по методу вживления в совершенно иную социальную среду рецептов вашингтонского консенсуса.

Можно ли сказать, что социально-политические реалии конца 1980-х и размышления по поводу пришедшего «пододвинули» Вас к социологии?

Да жизнь способствовала стихийному превращению меня в социолога. В начале августа меня вызвали из отпуска на совещание в журнале «Коммунист». Формировалась рабочая группа по подготовке проекта новой программы КПСС. К тому времени, впрочем, я уже давно не платил членских взносов и не имел никаких иллюзий относительно ближайшей судьбы этой партии, о чем и сказал коллегам... С довольно тяжелым чувством я вышел с совещания и уехал назад на дачу к семье. Где и узнал — не сразу! — о путче в Москве и отправился в город, на работу.

Застал там некоторое число растерянных коллег, большинство сотрудников после долгой и трудной реорганизации находились в летних отпусках. По крупицам собрал информацию.

В выходные дни, кажется, 20 или 21 августа 1991 г. в моей квартире, на портативной машинке с группой коллег по ИМЛ мы написали манифест с безусловным осуждением путча, отмежевались от КПСС и объявили о ликвидации Института теории и истории социализма, в который ИМЛ был преобразован в конце весны 1991 г. В этом институте я получил должность зав. сектором теории социализма. Летом я уговаривал перейти В. Мау, а также В. Иноземцева, А. Улюкаева, и некоторых других тогдашних сотрудников журнала «Коммунист», собираясь создать веселую компанию креативных людей — но они почему-то вежливо отказывались...

А 22 августа мы созвали общее собрание сотрудников ИТИС и провозгласили о грядущем создании нового исследовательского учреждения, которое мы назвали Российским независимым институтом социальных и национальных проблем (за неимением более звучных и простых наименований, которые все уже были разобраны). Этот институт вполне сложился и сформировался к началу 1992 г., директором стал нынешний директор ИС РАН М. Горшков, в институт влился со своей группой Ф. Шереги, и мы много стали заниматься эмпирическими исследованиями — ценностей, молодежи, среднего класса и т. д., и т. п., а также прикладными исследованиями по заказу разных, в основном зарубежных, фондов и университетов, которые ринулись в Россию, как мотыльки на свет.

Учиться некоторым азам формирования анкет, пониманию принципов формирования выборки, самым простым методам анализа данных я начал у тех же Горшкова и Шереги, по их учебнику. Особенностью РНИСИНП, которая мне очень нравилась, было то, что все мы специализировались в каких-то сравнительно узких направлениях исследований, но при получении крупных заказов, предполагавших проведение большого исследования и написание развернутого отчета, все работали по принципу артели: вместе обсуждали рамку исследования, формировали исходную структуру анкеты, обсуждали ее и т. п. В этом процессе мы занимались *learning by doing*, причем такие теоретики, как Здравомыслов, дополняли прикладников, и вместе мы, как я полагаю, довольно быстро росли и продвигались в понимании постсоветского общества, его структуры и происходящих в нем процессов.

РНИСиНП был уникальным для России проектом неправительственного *think tank*. Он не имел государственной или академической крыши, существовал на гранты и прочие поступления (в том числе от субаренды части полученных от государства площадей, конечно; но так жили тогда все). Так продолжалось примерно до конца 1990-х гг. За эти годы я дважды съездил на длительные стажировки в разные немецкие исследовательские организации как стипендиат Фонда Александра Гумбольдта, установил довольно плотные контакты с различными университетами, фондами и центрами изучения России и Восточной Европы, что помогало и институту получать исследовательские заказы и гранты. Много публиковался по проблемам развития предпринимательства в России и др. странах ЦВЕ, главным образом — за рубежом.

Но к концу 1990-х почва стала уходить из-под ног РНИСиНП. После кризиса 1998 г. неожиданно для многих западных фондов и международных организаций, с неизменным упорством продвигавших в постперестроечной России «лучшие практики» выяснилось, что «лучшие практики» почему-то не прижились, в России — приятельский капитализм и т.п. соответственно, интерес к России пошел на убыль, меньше стало заказов и грантов. А приезжая на различного рода конференции и лекции в университетах Германии или Швейцарии, я встречал там маленькую горстку студентов, да и те в основном были выходцами из России, пришедшими послушать заезжего соотечественника.

Во-вторых, начала отстраиваться «вертикаль». Первый сотрудник компетентных органов, которым почему-то вдруг стало интересно, чем занимается наш институт, появился в моем кабинете, я тогда был замом директора по науке и международным связям, буквально через пару месяцев после назначения премьер-министром Путина. Зачастили различные проверки от Росимущества... В 2003 г. РНИСиНП выселили из прежнего здания, мы въехали в маленький уютный особнячок в районе Площади Ильича и решили спрятаться под зонтик Академии наук: РНИСиНП в значительно усохшем составе стал по решению президиума РАН Институтом комплексных социальных исследований РАН. А через пару лет он слился с ИС РАН и рядом др. академических институтов. Горшков стал директором объединенного института.

Впрочем, к тому времени я уже перешел на работу в Высшую школу экономики, куда меня позвали в конце весны 2004 г.

Александр, большое спасибо за рассказ о Ваших научных исследованиях в области истории марксизма и о начале работы в области социологии. О социологии

— поговорим, но сначала немного о марксизме. Первый вопрос, насколько хорошо в свое время были переведены канонические (академические) тексты Маркса, были ли в них (если да, то какого рода) купюры, как делался перевод «темных» мест текста, я читал, что Маркс часто сокращал слова, которые не всегда однозначно можно было восстановить. Второй вопрос: а сейчас в России кто-либо занимается серьезно Марксом? А в Германии?

Переводы были разные, как правило, вовсе не плохие, но ведь плохое качество перевода не всегда связано с намеренной фальсификацией, иногда — с сидящими в голове (напр., под влиянием системы партполитпросвета) предпосылками. Так, например, «фетишистский характер товара» превращается в «товарный фетишизм». Но есть, конечно, и дискуссионные моменты, связанные с разными рецепциями. В некоторых дореволюционных русских переводах немецкое Wert переводилось как ценность, но в советское время взяла верх традиция переводить как «стоимость». Возможно, потому, что в немецком языке Wert и Preis (цена) имеют разный корень, тогда как ценность и цена — один и тот же?

Купюр в текстах не делалось — просто некоторые работы не публиковались, например, «Тайная дипломатия», где Маркс весьма нелестно оценивал внешнюю политику царской России. (Думаю, сегодня ее в России опять запретили бы — если бы кому-нибудь пришло в голову реагировать на какого-то Маркса). Другие вещи более принципиально повлияли на рецепция метода Маркса — в первую очередь, вставки и примечания Энгельса в тексты 2 и 3 томов «Капитала» и в изданное им уже после смерти Маркса немецкое издание 1 тома. Сегодня благодаря МЭГА можно сопоставить отредактированные Энгельсом — разумеется, без злого умысла: просто он так понимал своего друга — и собственно авторские тексты.

Что касается сокращений: да, Маркс использовал скоропись из одних согласных букв, причем по-немецки писал готикой, плохим почерком и очень мелко (экономил бумагу). Поэтому нормальный современный немец едва ли сможет прочесть там хоть слово. Но ведь надо текстами работали всегда первоклассные расшифровщики, которые при необходимости «вычитывали из контекста»; кроме того, Маркс много правил в тексте — зачеркивал, переписывал — и это помогало реконструкции хода его мысли. Слава богу, машинные программы-переводчики в такой работе не использовались.

Увы, на сегодня в Москве осталась горсточка людей — 2-3 чел., которые в РГАСПИ продолжают работать над МЭГА. Но основную работу взяли на себя Международный институт социальной истории (Амстердам), где хранится значительная часть Маркса, и Берлинско-Бранденбургская академия наук. Привлекая различные источники финансирования, они вовлекли в подготовку томов ряд академических исследователей со всего мира.

На базе МЭГА в Германии издано много популярной и учебной литературы, вплоть до комиксов, курсы по «Капиталу» читаются во многих университетах. В отличие от России...

Какие задачи ставили перед Вами, приглашая в ВШЭ?

Собственно, никаких особых задач. Читать курсы по предпринимательству и малому бизнесу в качестве профессора кафедры экономической социологии. Ну, и публиковаться, как это было у меня заведено до прихода в Вышку: в среднем в год выходило 5–6 статей в разных журналах и сборниках, и не только в России, и как раз накануне прихода в Вышку – монография и вскоре за этим – учебник.

На анализе каких проблем фокусировалась монография и что рассматривалось в учебнике? В какой мере Ваши курсы по предпринимательству и малому бизнесу на кафедре экономической социологии опирались на результаты исследований РНИСиНП?

В значительной мере на них базировались оба моих курса. Все-таки, к тому времени у меня было уже несколько проектов ТАСИС АСЕ, ИНТАС, др. международных и зарубежных фондов, которые дали хорошую пищу для размышлений и обобщений. Разумеется, курс «Социология предпринимательства», который я создавал с ходу, содержал в себе и ряд тем и сюжетов, которые я взял из зарубежного мейнстрима и отчасти – из работ российских авторов (прежде всего, из учебника «Экономической социологии» Радаева, потому что предполагалось, что «Социология предпринимательства» продолжает и развивает некоторые темы из экономической социологии – логика хозяйственного поведения предпринимателя, роль сетей, формы контроля рынка и и т. д.).

Монография вышла в «Науке» и представляла собой доработанные и сведенные воедино ряд проектов, выполненных в 1990-е гг. на гранты разных фондов и в инициативном порядке (в условиях осеннего кризиса 1998 г.) и называлась «Малое предпринимательство в социальном контексте». Это был такой подарок самому себе на 50-летие.

А учебник «Малое предпринимательство» вышел чуть позже, в издательстве Международного университета в Москве, куда меня за несколько лет до этого пригласили читать по совместительству курс по малому предпринимательству. Я посмотрел на имевшуюся на рынке литературу – в основном переводную и в значительной мере посвященную организационно-правовым аспектам и менеджменту малых компаний – и решил сделать курс, объясняющий основные экономические и социальные проблемы малого бизнеса в переходной российской экономике, их контекст, формы и пути решения. Дал кое-какую статистику, кейсы. Потом из этих лекций и сложился небольшой учебник.

Сегодня, конечно, и то и другое представляет собой сугубо исторический интерес. Ситуация сильно изменилась.

Вы и сейчас исследуете малый бизнес и преподаете соответствующие курсы? Они скорее дают общее понимание бизнеса и специфику именно малого бизнеса или готовят студентов к работе в этой нише? Я постоянно читаю в российской прессе заявления политиков и экономистов о необходимости развития и поддержки малого бизнеса, а что сейчас сдерживает людей? Это прежде всего психологические факторы или есть какие-то серьезные политические и экономические обстоятельства, препятствующие развитию малого бизнеса?

Да, продолжаю заниматься этим делом. Причем я работаю с той небольшой группой студентов и сотрудников, которым интересно заниматься исследованиями предпринимательства и малого бизнеса, в том числе сравнительными международными — желающих научить вести бизнес и без меня достаточно.

Предпринимательство в последние лет 20 оформилось в сравнительно самостоятельное направление междисциплинарных исследований, в котором россияне почти не представлены, и мы пытаемся эту ситуацию изменить.

Заявления российских политиков оставляю на их совести. Практика говорит о другом — после того, как в первой половине 2000-х гг. был сделан выбор в пользу создания экономики, основанной на крупных корпорациях, а работающее население как-то распределилось в основном между госсектором и крупным бизнесом, реально идет вытеснение и подавление малого бизнеса. В периоды кризисов власть спохватывается, и начинаются попытки «помочь», сопровождаемые обычно одновременно всплеском контрольно-проверочной деятельности. В итоге все уходит опять в песок, и ситуация стабилизируется, а идеологи начинают витийствовать о том, что русский народ не любит предпринимателей, не готов заниматься бизнесом и т.п.

Нормальные люди, видя это, делают правильный выбор — либо идут помощниками столоначальников, либо пытаются трудоустроиться в рамках сегмента, который можно условно определить как «экономика трубы», либо оказывать услуги работникам этого сектора и верхушке чиновничества — визажисты, мозолисты, дизайнеры, архитекторы, адвокаты и т.п. В ходе опросов они обычно вежливо говорят, что предпринимательством не занимаются, потому что не чувствуют достаточных способностей; так понятно — не каждый способен «решать вопросы» с чиновниками, крышевателями, проверяющими и проч.

Те, кто занимается в этой системе малым предпринимательством — либо отчаянные, либо отчаявшиеся люди. Отсюда понятно, что значительная часть низовой предпринимательской активности протекает в ненаблюдаемой, или неформальной экономике. Ее мы тоже изучаем.

Задам один актуальный вопрос... в первой половине 2014 года российское руководство поставило задачу «импортозамещения», в частности, заявлялось, что западные санкции приведут к активизации в сфере малого бизнеса. Одна группа аналитиков заявила, что импортозамещение может быть осуществлено быстро и «малой кровью». Другие аналитики сразу обозначили проблемы системного характера и, поддерживая общую установку на импортозамещение, предлагали не ждать быстрых результатов. Что Вы думаете на эту тему? Что показал прошедший год именно в сфере малого бизнеса?

Импортозамещение — либо красивый лозунг, либо очень отдаленная перспектива. На деле импортозамещение предполагает, как правило, во-первых, инвестирование в основной капитал, потому что на старом оборудовании конкурентоспособной продукции произвести не удастся, во-вторых, наличие ноу-хау, в-третьих, наличие кадров с соответствующими компетенциями. Инвестирование в основной капитал, в свою очередь, предполагает, как правило, закупку импортного оборудования (отечественное машиностроение почти погибло), для чего нужны длинные и дешевые кредиты — про доступность этого оборудования в условиях санкций я уже не говорю. А если кредитов нет — значит,

издержки на переоснащение будут закладываться в цену производимых сегодня отечественных товаров. С ноу-хау и кадрами высокой квалификации — инженерами и рабочими — тоже сейчас в России не очень...

Что касается малого бизнеса, то значительная его часть была занята торговлей (в том числе импортом) и общественным питанием. В условиях сокращения спроса со стороны населения и скачкообразного изменения курса основных валют к рублю этот бизнес испытывал, мягко говоря, серьезные трудности. Производственный сектор в сегменте малого бизнеса сравнительно мал, впрочем, не только в России. Он едва ли может быть драйвером импортозамещения — как в силу своих размеров, так и в силу еще больших трудностей с финансированием.

Точками роста импортозамещения могли бы стать средние быстро растущие компании, так называемые «газели». Их до кризиса 2008—2009 гг. в России было сравнительно с развитыми экономиками много, но в настоящий момент — меньше, т.к. многие перестали быстро и устойчиво расти, хотя и по разным причинам. Но для них нужны: определенность с макроэкономической и политической ситуацией, подготовленные кадры и, желательно, также длинные кредиты. Ничего этого пока они не видят и не получают.

К тому же, часть из них возникла в рамках кластеров, сформировавшихся вокруг западных автопроизводителей — например, в Калужской области, Калининградской обл., Ленинградской обл. Сейчас автопроизводство сворачивается, некоторые западные автопроизводители из России уходят. Те регионы, которые наиболее активно включились в международное разделение труда, сталкиваются в силу этого с самыми большими проблемами.

А активизация в сфере малого бизнеса, если и произойдет, то главным образом в результате проседания крупных компаний и бюджетной сферы, что вынудит часть занятых уйти в индивидуальное предпринимательство и самозанятость. Но это будут в основном услуги населению — ремонт, обслуживание домохозяйств и т.п.

«По дороге» Вы фактически рассмотрели перспективы разных форм бизнесов в России... и в целом — пессимизм. Мне кажется, что Вышка, т.е. Ваши коллеги и Вы, уже много лет говорите о необходимости кардинальной перестройки экономики... почему к Вашим советам не прислушиваются? Никто ближе Вышки не расположен к центрам принятия решения... Не вызывает ли происходящее скептицизм, озабоченность своим будущим среди Ваших студентов, ведь они много лучше других понимают происходящее...

Да, студенты Вышки много лучше понимают происходящее — поэтому среди них желающих начать собственное дело в разы меньше, чем по населению в целом, а желающих стать СЕО или чиновниками — стабильно высоко. Даже с точки зрения интереса к изучению предпринимательства это заметно: в 2005—2007 гг. у меня ежегодно бывало по 8—10 студентов с бакалаврскими и магистерскими работами, в последние годы — 1-2, не больше. В лабораторию, где мы учим их работать с данными и писать аналитику по предпринимательству, стало трудно набрать желающих, хотя, казалось бы, навыки научной и прикладной аналитики в любом случае пригодятся.

Относительно Вышки и благих пожеланий о необходимости кардинальной перестройки экономики... Что тут сказать? Некоторые действительно убеждены, что дело в адекватных стратегиях и механизмах их осуществления, и поэтому без устали их предлагают *urbī et orbī*. Но я считаю, что дело — не в экономике самой по себе, а в структуре интересов, которая привела к формированию такой экономики. Вернее, в том, что та сцепка специфических рентоориентированных групп интересов, которая сформировалась в России, работает только на воспроизводство «экономики трубы» и делает какие бы то ни было системные преобразования невозможными.

В этом меня убеждает анализ происходящего, чтение книг — Олсона, Норта, Баумоля и др., но так же и мой детский опыт. Во Всесоюзном доме моделей одежды на меня шили прекрасные вещи. Периодически устраивались показы для директоров швейных предприятий. Модели, которые мы демонстрировали на них, публиковались в журналах. Но что происходило на практике? Директор какого-нибудь предприятия брал какой-нибудь костюм или пальто на заметку, подходил к его автору, художнику-модельеру (тогда никаких «кутюрье» не было), и говорил: отличная вещь! Мы ее возьмем. Вот только ткани такой у нас нет — заменим вот на эту. И фурнитуры такой тоже нет, поэтому обошьем по краю вот такой тесьмой... Дальнейшее понятно? Вот примерно то же самое происходит и с Вышкой и ее советами...

Здесь есть два варианта: первый — пытаться «достучаться»; поэтому каждый год ВШЭ организует огромную конференцию, куда приглашают руководство правительства, Центробанк, международные организации и презентуем там очередную серию аналитических докладов, поэтому много работаем с администрацией президента и правительством в рабочем режиме. Поэтому же большое внимание уделяется работе с масс-медиа: нет буквально ни дня, чтобы в ведущих новостных и аналитических программах, на страницах ведущих печатных изданий не появилась статья, интервью, реплика кого-то из ведущих «говорящих голов» Вышки. Второй вариант: плюнуть и заняться академическими исследованиями — в надежде на то, что «это» будет когда-то востребовано, если не здесь, то в международном академическом сообществе.

Скажу, что в Вышке представителей первой и второй стратегий — примерно поровну. Но подавляющее большинство вообще об этом не задумывается, перегруженное преподаванием, писанием статей и программ курсов, текущими заданиями, поручениями и прочей суетой.

Вы всегда активно публиковались... какие сейчас для этого возможности?

Активно я публиковался ровно до того, как пришел в ВШЭ. Вообще, в 2004 г., идя на работу в Вышку, я полагал, что буду читать какие-то курсы, а остальное время посвящу самосовершенствованию — в виде писания текстов, обучения студентов писанию текстов и т.п. Но жизнь распорядилась иначе. Летом 2005 г. внезапно умер А.О. Крыштановский, декан факультета, и меня попросили «временно» принять бразды правления. Вот до сих пор «временно» и управляю, правда, теперь уже хотя бы только департаментом, т.е. отвечаю по большому счету за преподавательский состав и его качество, а не за все на свете, как раньше. Если добавить, что параллельно с этим в 2005–2007 гг. я был еще и директором

по международным связям Вышки, то эти годы (и еще как минимум пару лет, пока я приходил в себя после чудовищной нагрузки), можно смело вычеркнуть из моей научной биографии.

Впрочем, это не моя только проблема. Многие из тех, кому приходится руководить факультетом, кафедрой, институтом в Вышке, могут сказать то же самое. Руководить и заниматься самостоятельными исследованиями в Вышке параллельно практически невозможно – такое количество поручений с пометкой «вчера», «сегодня», «завтра» приходит каждый день, что свою не спетую песню приходится откладывать до лучшего будущего.

Правда, в последние несколько лет все-таки удалось создать некоторый задел тем и текстов. Но резко изменились и требования со стороны университета. Если еще 3–4 года назад я особо не задумывался, где публиковаться – предлагали, просили, и я писал, не особо задумываясь, кто и когда прочитает, для друзей и узкого круга коллег я экземпляр-то всегда раздобуду! – то теперь все резко изменилось: его величество индекс Хирша и ее величество квартиль журнала правят бал. Поэтому почти ничего не пишу и ну публикую по-русски, т. к. большинство журналов на русском языке не очень котируются на академическом рынке, а написанное по-английски проходит многолетнюю обкатку и закалку... Все-таки, мы, наше поколение, не готовили себя к писанию текстов по жестким форматам международных журналов, где никакой «отсебятины», структура статьи определена наперед, и т. д., а потому все статьи написаны словно одной опытной рукой. Трудно свой более свободный стиль письма приспособить к этим жестким канонам. Ну, и др. проблемы возникают: более узкий словарный запас, не всегда успеваешь прочитать последнюю статью по теме, особенно когда статья лежит уже у рецензентов, и потом получаешь предложение более полностью учесть актуальную литературу по теме... и т. п.

Резко изменилось отношение к монографиям и учебникам. Если раньше эти виды научной продукции считались подтверждением высокого класса, то сегодня, указывая их в списке публикаций, испытываешь едва ли не чувство неловкости: надо же, правильные люди строчат статьи в правильные журналы, а ты вот...

Предвижу от такого положения вещей большие трудности, главным образом, для воспроизводства академической братии: учебники устаревают, а писать их стало чуть ли ни дурным тоном; наиболее способные авторы уходят и будут уходить из российских журналов в международные, а потому шансы последних занять более или менее пристойное место на академическом рынке будут стремиться к нулю. Таким образом, борьба за достойное представительство россиян в международных журналах обернется, скорее всего, дальнейшей деградацией русскоязычной инфраструктуры научного сообщества.